

**ВСЁ
СЛИШКОМ
ДАЛЕКО
ЗАШЛО**

JESS WALTER **SO**
FAR GONE

ДЖЕСС УОЛТЕР **ВСЁ**
СЛИШКОМ
ДАЛЕКО
ЗАШЛО

РОМАН

Перевод с английского
Полины Мормышевой

phantom press

Москва

На крыльце дома Риса Кинника неподвижно, словно каменный истуканчик, стояла аккуратная девочка. Рядом с ней переминался с ноги на ногу вихрастый мальчик в зимних сапогах. За плечами у обоих рюкзаки. Позади, на ступеньках, женщина держала над головой зонтик, по которому барабанил дождь.

Постучала девочка. Кинник приоткрыл внутреннюю дверь и прохрипел из-за грязной сетки:

— Журналы или сладости?

Девочка, которой на вид было лет десять, прищурилась:

— Что-что?

Неужели оговорился? Сколько он уже ни с кем не разговаривал?

— Я спросил, что вы, юные капиталисты, продаете? Журналы или сладости?

— Ничего мы не продаем, — сказал мальчик. Кинник дал бы ему лет шесть. — Мы твои внуки.

Сдавленный вздох. Так бы описал Кинник то, что вдруг вырвалось из его горла — в те дни, когда зарабатывал на жизнь журналистикой. Ну *разумеется*, они его внуки. Он просто не успел как следует их рассмотреть. И эта странная дама на ступеньках его смутила. Но теперь, приглядевшись, он заметил в лицах детей знакомые черты: выступающую вперед верхнюю губу, глубоко посаженные пытливые глаза. Да, это определенно Лия и Ашер. Бог ты мой! Когда же он видел их

в последний раз? Кинник напряг память, но безуспешно — с годами он все сильнее запутывался в сложном устройстве времени. Однажды его дочь привозила их сюда. Когда это было... три года назад? Четыре?

Как бы то ни было, на его крыльце сейчас стояли не скауты, продающие печенье. Это были его внуки, плоть от плоти его единственной дочери Бетани. Вот только им было не десять и шесть, как он предположил изначально, а больше. Он вспомнит насколько, когда время все же ему поддастся.

— Вы мистер Кинник? — заговорила женщина с зонтиком.

— Да, — сказал он. — Это я. — И снова обратился к детям: — Как вы здесь... Все в порядке...

Мыслей было так много, что Кинник не успевал оформить их в слова. Он открыл дверь шире.

— Где ваша мама?

— Мы не знаем точно, — сказала Лия. — Она уехала пару дней назад. Сказала, что это всего на неделю. Шейн вчера поехал ее искать.

Лии *тринадцать*, вот сколько. Ее отец — Тормоз Даг, с которым Бетани встречалась лет сто назад.

Отцом мальчишки, восьми... *девятилетнего* Ашера, был Шизик Шейн. Вкус дочери в отношении мужчин был за гранью понимания Кинника, в точности как и время.

Кинник взгляделся в женщину, маячившую за спинами внуков. Чернокожая, в больших круглых очках, лет тридцати с небольшим — примерно ровесница его дочери. Женщина поднялась на крыльцо.

— Меня зовут Анна Гейнс, — представилась она. — Мы с мужем — соседи Бетани и Шейна. Сегодня утром Лия принесла мне это.

Она протянула конверт. На нем маркером было выведено: “ДЛЯ АННЫ”. И чуть ниже: “Открыть в случае ЧП”. Кинник узнал почерк дочери.

— Письмо было в шкафу, — сказала Лия. — Спрятано в зимнем сапоге.

Кинник открыл сетчатую дверь, вышел и взял конверт. Внутри оказался листок бумаги, исписанный с обеих сторон рукой Бетани — ряды аккуратных букв клонились влево. Он похлопал себя по карману рубашки, но очков для чтения там не было. Кинник прищурился, разбирая написанное.

Дорогая Анна, если вы читаете это, значит, мне срочно пришлось уехать. Понимаю, что прошу о многом, но не могли бы вы отвезти детей к моему отцу — Рису Киннику? Он затворник...

Кинник поднял взгляд:

— Чушь, никакой я не затворник.

Затем снова уткнулся в письмо.

Дорогая Анна, если вы читаете это, значит, мне срочно пришлось уехать. Понимаю, что прошу о многом, но не могли бы вы отвезти детей к моему отцу — Рису Киннику? Он затворник и давно оборвал все связи с семьей...

— Оборвал связи? — Рис почувствовал, как в нем закипает кровь. — Все было... чуть сложнее.

Однако его внукам — юным представителям современного общества, — кажется, было искренне все равно, как дела обстояли в реальности. Они просто тарасились на него. Кинник хмыкнул и вернулся к чтению.

Дорогая Анна, если вы читаете это, значит, мне срочно пришлось уехать. Понимаю, что прошу о многом, но не могли бы вы отвезти детей к моему отцу — Рису Киннику? Он затворник и давно оборвал все связи с семьей. Сейчас он живет в запустении...

— В запустении? Так она считает? — Кинник оглядел широкое крыльцо. Из одного угла на него смотрели сломанный холодильник, сваленные в кучу старые аккумуляторы и сгоревший инверторный генератор, из другого — старушка-стиралка и джинсы со свитером, которые сушились на веревке. — Она что, издевается? В случае ЧП найдите моего отца и напомните ему, что он неудачник?

Внуки по-прежнему тарасились на него. Кинник тяжело вздохнул и продолжил читать, велев себе больше не отвлекаться.

Дорогая Анна, если вы читаете это, значит, мне срочно пришлось уехать. Понимаю, что прошу о многом, но не могли бы вы отвезти детей к моему отцу — Рису Киннику? Он затворник и давно оборвал все связи с семьей. Сейчас он живет в запустении в хижине на севере от Спокана, в округе Стивенс. Телефона и электронной почты у него нет. Выезжайте из Спокана и следуйте по шоссе 395 тридцать пять миль. За озером Лун сверните на шоссе 292. Через пять миль, на развилке, поверните не налево — в сторону индейской резервации, — а направо. Проехав городок Спрингдейл, сверните налево на Хантерс-роуд. Через десять миль снова сверните налево на грунтовую дорогу, пересекающую небольшой мост. Потом еще четверть мили, пока не заметите водопропускную трубу

и съезд в березовую рощицу по левой стороне. Это дорога к папиному дому. Указателей там нет. Следуйте по ней и, когда дорога пойдет в горку, увидите серый дом из шлакоблоков у подножия холма над ручьем. Предупреждаю: мой отец бывает довольно язвительным...

— “Довольно язвительным”? — Кинник сложил письмо. — Серьезно, да кто же так просит о помощи?

И все-таки он с гордостью отметил, как хорошо Бетани владеет словом. Да и слова-то какие — *затворник, запустение, язвительный*. Не растеряла, значит, умение. Когда-то он полагал, что дочь пойдет по его стопам и станет писательницей. Терпения не хватило, думал он. А может, уверенности.

И тут его осенило. Он перевел взгляд на девочку:

— А где ваша бабушка?

Едва он договорил, как Лия отчеканила:

— Бабушка Селия умерла.

Ашер кивнул.

— Господи, — сказал Кинник. — Когда?

— Месяц назад, — ответила Лия.

— О, Селия.

Она всегда излучала какую-то хрупкую эфемерность, как будто не принадлежала этому миру. Кинник привалился к дверному косяку, в боку закололо. Бегство Бетани уже не выглядело таким уж неожиданным. Мать была для нее чем-то вроде компаса, ведущего ее по жизни.

— У бабушки была лимфома, — сказал Ашер.

Как странно, когда такое взрослое слово произносит такая кроха. Кинник вспомнил маленькую Бетани, не по годам серьезную.

— О, Селия, — повторил он, и в глазах его заблестели слезы.

Он представил ее такой, какой она была в день их первой встречи в библиотеке Орегонского университета сорок лет назад. Ее длинные волосы, раскачивающиеся из стороны в сторону, точно хвост у гарцующей лошади. Он тогда изучал ботанику и естественные науки, а она училась на медсестру. Он вспомнил, как она спала, отвернувшись от него, вспомнил острую линию ее скул. Никогда больше он не видел, чтобы кто-то так спал — так безмятежно. Порой он подносил ладонь к ее губам, просто чтобы убедиться, что она дышит и все еще с ним. Они поженились через год после знакомства, оба закончили магистратуру, затем появилась на свет Бетани. Они шли по жизни рука об руку — пока эта жизнь, как все самое ценное и важное в этом мире, не начала разваливаться.

— Уверен, она была замечательной бабушкой, — сказал Кинник.

— Да, — сказала Лия, и ее брат снова кивнул.

О, бедная Селия, подумал Кинник. И бедная Бетани. Но перед глазами его встала не та взрослая женщина, которую искали его внуки, а большеглазая малышка, не желавшая засыпать, пока он не расскажет ей сказку. И вот теперь эта малышка, эта женщина, мать его внуков сама осталась без матери. Бедная Бетани. И ее бедные дети, чей дедушка, которого они годами не видели, даже не узнал их, когда они появились у него на пороге.

Риса Кинника придавило тяжким, ранее незнакомым чувством — виной. В голове звучал лишь один, заглушающий прочие мысли вопрос: *что же он наделал?*

Он прокашлялся.

— Входите, — сказал он и широко открыл дверь. —
Прошу, входите.

Последней каплей для него стал День благодарения семью с половиной годами ранее. В 2016 году в Грантс-Пассе, штат Орегон, за сорок минут до праздничного ужина Рис Кинник понял, что для него не осталось места в этом нелепом мире. Это случилось во время трансляции футбольного матча. Его зять Шейн тыкал кнопки на пульте и трендел не умолкая — и то, и то одинаково бездумно. Новый (но старый) муж Селии, Кортланд, похрапывал в кресле. Рис сидел между унылыми мужьями дочери и бывшей жены и с безрадостным видом приканчивал четвертую бутылку пива. Киллер из него получался так себе, но и жертве, благо, оставалось недолго.

Дорога из Спокана до Грантс-Пасса занимала десять часов, и Кинник решил на этот подвиг ради очередной попытки спокойно отметить праздник в семейном кругу.

— Никакой политики. — В голосе Бетани звучала мольба, и Кинник быстро согласился.

Он был вынужден признать, что его может вывести из себя разговор с Шейном о результатах недавних выборов (то есть абсолютной катастрофе), поскольку, выражаясь словами зятя, у него все еще “бомбит”.

— Шейна я тоже предупредила, — сказала Бетани. — Никакой религии и политики. Давайте хоть раз притворимся нормальной семьей.

Нормальной? Семей? Да легко. Первые два часа все и правда было хорошо. Лия рисовала, Ашер, только научившийся ходить, бегал по дому, взрослые вели светские беседы.

А потом Ашера уложили спать, Лия отправилась играть в куклы, Селия и Бетани перебрались на кухню готовить ужин, и Шейн тут же завел свою чокнутую христианско-националистскую шарманку:

— Рис, если это тебя утешит, еще в Книге пророка Даниила было предсказано...

Риса это почему-то не утешило.

— ...что на Западе восстанет могущественный царь и вернет своей нации былое величие. — Шейн разломил скорлупу и кинул в рот фисташку.

— Это было две тысячи лет назад, — промывчал в свое пиво Кинник. И про себя добавил: *спойлер, но твой пророк и тогда не угадал.*

— Библейская мудрость актуальна всегда, во все времена, — продолжил Шейн. — Откровение Иоанна Богослова, 22:10: “Не запечатывай слов пророчества книги сей, ибо время близко”.

Рис пообещал Бетани и Селии не устраивать скандал, поэтому ответил мысленно: *Шейн, умник ты безмозглый, “время близко” — это про текущее время, а для давно почившего автора этого аллегорического бреда это был девяносто пятый год нашей эры. И в виду он имел тиранию римского императора Домициана, а не иммиграцию, глубинное государство или еще какую хрень, которой забита твоя башка.*

Кортланд, который был старше Селии на пятнадцать лет и политикой интересовался не больше трухлявого пня, что-то пробормотал во сне. Рис окинул взглядом аккуратную гостиную Шейна и Бетани. Сте-

ны ее украшали вышивки с библейскими цитатами (*Благослови, душа моя, Господа*) и плакаты с Иисусом на закате в рамках (*Хвалите Его, небеса небес и воды, которые превыше небес*).

Он снова посмотрел на Шейна — самодовольного, с пышными усами, жующего фисташки. На мгновение воцарилась блаженная тишина, и Кинник подумал, что худшее уже позади. Но тут игрока “Грин-Бей Пэкерс” оштрафовали за помеху при передаче паса, и Шейн, откинувшись на спинку кресла, доверительно сообщил Киннику:

— Знаешь, в этом тоже они замешаны.

Таинственные *они*, как уже было известно Рису, стояли за тщательно продуманным и всеобъемлющим заговором, задачей которого было приобщить американцев к сатанинской либеральной ортодоксии. Конечной же целью злодеев было втянуть добрых христиан вроде Шейна в безнравственный социалистический кошмар, в котором люди — о ужас — гадили не в те туалеты.

Кинник умолял себя молчать. Не задавать вопросов. Если не провоцировать Шейна, ему самому надоест говорить в пустоту. Рис сверился с часами. До спасительной индейки оставалось тридцать пять минут. Он справится. Что сложного в том, чтобы помолчать тридцать пять...

— Кто? — услышал он свой голос. — Судьи? Ты думаешь, за всем стоят судьи?

Шейн повернул голову:

— Судьи? Да брось, Рис. Они же просто пешки. Просто подумай: *кто* платит судьям?

— Ага, то есть... — Рис старался говорить неприступно, пряча лицо за пивной бутылкой, — ты

хочешь сказать, что Национальная футбольная лига вовлечена в масштабный заговор... придуманный с целью отобрать лавры у любимых команд Шейна Коллинза?

— При чем тут я? — возразил Шейн. — Всем известно, что политику и футбол взяли под контроль одновременно — в 2008 году. Именно тогда глобалисты начали реализовывать последнюю часть своего плана, они уже захватили школы, университеты, все уровни власти и собирались посадить в президентское кресло одного иностранца — не буду говорить кого, но второе его имя Хуссейн. И вот последний рывок. Они подминают под себя спорт. Напомни-ка, кто выиграл Супербоул в том году?

— Без понятия, — сказал Кинник.

— Ну, две тысячи восьмой? “Нью-Йорк Джайентс” побеждают “Нью-Ингленд Пэтриотс”. Просто задумайся на секунду, Рис. “Пэтриотс” — то есть *“патриоты”*, истинные американцы, понимаешь? Проигрывают “Джайентс” — *“гигантам”*, да еще и из Нью-Йорка? Гигантам, то есть из моря зверям с семью головами и десятью рогами? Думаешь, просто совпадение, что в Нью-Йорке семь районов и десять медиакомпаний, а? Да ладно, Рис, ты же умный человек.

— В Нью-Йорке пять районов, Шейн. И тысячи медиакомпаний.

— Значит, там было про семь миллионов жителей. Всегда путаю эти цифры.

— В Нью-Йорке восемь миллионов жителей, но я сильно сомневаюсь, что во времена этого Иоанна там вообще были люди.

— Я же уже объяснял, что Библия не так работает, Рис. Это вневременной документ.